

ISSN 2312-332X

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

№ 1(27)

2017

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2017
№ 1(27)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский университет

Главный редактор
П.С. Кабытов

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
М.М. Леонов
Ю.Н. Смирнов

© Самарский университет, 2017
© Самарский земский сборник, 2017

Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Т.А. Мурзиновой

Подписано в печать 28.11.2017. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 3,85; уч.-изд. 2,75.
Гарнитура «RaleighTT BT». Тираж 100 экз. Заказ №
Центр периодических изданий,
443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, тел. 334-54-06.
Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Прайм».
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

Трифорова В.В. К юбилею ученого: Екатерина Петровна Барина	4
---	---

Статьи

Леонов М.И. Эсеры в октябрьской всероссийской политической стачке 1905 г.	11
Заплетин В.В. Идеологические концепты Московского восстания 1682 г.	17
Мирончева Е.А. Социокультурная деятельность женских монастырей в конце XIX – начале XX вв.	25
Елисеев А.И. Аспекты повседневной жизни на Самаро-Златоустовской железной дороге	30
Чепурнова Е.И. Образ улицы Дворянской в восприятии современников	37
<i>Информация для авторов</i>	42

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

УДК 930

В.В. Трифонова*

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО: ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА БАРИНОВА

В статье охарактеризован вклад Е.П. Бариновой в изучение истории российского дворянства и истории Самарского края, проанализированы основные направления ее научной работы.

Ключевые слова: Е.П. Баринава, история дворянства, история Самары.

Прошлое – это другая страна, там все иначе.
Л.П. Хартли

эпоху глобальных социальных перемен обостряется интерес к истории. Общество как будто ищет в прошлом ответы на вопросы, которые необходимо решить сегодня, – ведь от них зависит будущее. В таких ситуациях трудно переоценить роль профессионального историка: именно он понимает, что прошлое – это не отражение настоящего, и знание о прошлом не должно ограничиваться тем, что является актуальным в данный момент. В России, где прошлое, как известно, непредсказуемо, от ученого требуется не только мак-

* © Трифонова В.В., 2017

Трифонова Виктория Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, vitolda08@yandex.ru.

симальная точность, объективность, достоверность, но и качества человеческие, гражданские, этические. И социальная ответственность здесь – именно в обществе, переживающем большие перемены, – выступает на первый план.

«Любой историк любит своих героев...»

Именно так, «героями», называет Екатерина Петровна Барина тех, кого точный научный язык определяет как «дворянство», «господствующий класс», «привилегированное сословие». В 80-е годы XX века дворянство как объект научных исследований не представлялось актуальным: «В советской исторической литературе социальные силы и деятели, чуждые социалистической идее, становились неодоушевленными и малопривлекательными “зубрами”, реакционерами, отжившими свой век, – объясняет Екатерина Петровна Барина. – И очень интересным показалось создать социальный портрет дворянства – не эмоциональный, романтизированный образ, а реальный, основанный на детальном исследовании. Судьба российского дворянства в XX веке сложилась трагически: революция, Гражданская война, гибель многих и многих из них, изгнание или объявление их “бывшими людьми”. Однако они составляли неотъемлемую часть русского народа и искренне любили свою страну».

В конце 1980-х гг. в стране начались перемены. «Где тонко, там и рвется», – гласит народная мудрость. Советское тогда еще общество буквально «заболело» историей: официальная коллективная память оказалась расколота на миллионы индивидуальных памяти, психологических, субъективных, драматических. «Возвращенная литература» эмигрантов первой волны, воспоминания репрессированных потомков дворянских родов, публикация писем времен Гражданской войны, открывшиеся архивы – все это сделало вдруг дворянство в контексте «России, которую мы потеряли» чрезвычайно модной темой.

*Нация, не способная заглянуть
в лицо собственному прошлому,
обречена на серьезные трудности в будущем.*
Джон Тош

«Почему я стала разрабатывать тему поместного дворянства в России в самую переломную эпоху? Трудно было не поддаться очарованию эмигрантской прозы Бунина, щемящей изысканности вернувшихся в родной город петербурженков, как они себя называли, завораживающим песенкам Вертинского – будто в старинный витраж добавили выпавшие когда-то кусочки и он опять стал полной картиной, яркой и осмысленной. Однако все мы читали в школе чеховский “Вишневый сад” – его грусть тоже из той эпохи. Захотелось понять, почему такие прекрасные люди, почти “рыцари без страха и упрека” были выброшены историей из своей страны, а их культурные и нравственные ценности оказались так быстро забыты», – даже сегодня Екатерина Петровна сомневается в том, что история была справедлива к людям, которые много веков составляли славу России. Но тогда студентка четвертого курса исторического факультета просто начала работать в архивах, сначала в Петербурге, потом в Москве.

К дворянским архивам тогда обращались многие: потомки, которые долгие годы скрывали свое происхождение, журналисты – в поисках сенсаций, историки – профессиональные и не очень. Последних отличало стремление возлагать вину на гибель дворянства как социальной группы на большевиков, на крестьянство, на всю Советскую власть – одним словом, переписывать историю с позиций новых социально мотивированных истолкований прошлого. «Поиск виноватых – это абсолютно ненаучное и опасное направление в общественном сознании, – уверена Е.П. Баринава. – Такая крайняя индивидуализация исторической памяти не позволяет сформировать основы социокультурной идентичности. Нельзя идентифицировать себя негативистски: сначала по схеме “дворяне – плохие, народ – хороший”, а потом менять вектор на 180 градусов! Социальная напряженность может быть снята только примирением со своей историей. Исторический подход и нужен, чтобы понять и принять прошлое и жить для будущего».

Сложно представить, какой объем источников – архивных, опубликованных, мемуарных, личных – пришлось обработать, а в случае исследования судеб дворянства в годы всех русских революций – и пропустить через сердце, чтобы в монографии сдержанно констатировать необходимость почти забытого советской историографией «человеческого фактора» [1]. Тем более что география исследования – Поволжье и Центральное Черноземье – включала в себя Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Орловскую, Тульскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Пензенскую губернии. Обширные, всегда густозаселенные, многослойные, интересные для исторического исследования: массовое крестьянское движение, активное дворянство и оттого многовековые традиции социальных бурь, – материал для историка, безусловно, богатейший, но и невероятно трудный. Что главное при работе исследователя с таким невероятным массивом источников? Ответов множество: методологическая база, дисциплинированность личная и научная, убеждение в ценности своей работы, ее важности для общества, критическая, но бережная работа с любым фактом, любой персоналией, уважение к духовному облику эпохи... Что-то уже заложено в человеке от природы, приобретается в семье, через воспитание. Какие-то качества вырабатываются в процессе учебы и исследовательской работы. Научная, педагогическая и профессиональная деятельность Е.П. Баринавой подтверждает, что все эти качества ей присущи.

*Мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим
потомкам, чтобы разобраться в самих себе.*

Пьер Нора

Мечта стать метеорологом так и осталась мечтой, которая сегодня вызывает улыбку у доктора исторических наук. Для воплощения мечты требовалось сдать физику на вступительном экзамене – это практически невыполнимое требование и остановило выпускницу средней школы № 41 города Куйбышева. История в школе не была любимым предметом, преподавание истории не виделось будущей профессией, но история была повсюду, везде и даже дома: родители – Надежда Николаевна и Петр Серафимович Кабытовы – преподавали на историческом факультете Куйбышевского государственного университета. Недавно созданный вуз переживал трудное и самое творческое

время – эпоху своего становления: молодые ученые со всего Советского Союза создавали в сугубо промышленном городе классический университет, где гуманитарные дисциплины занимали важнейшее место. Екатерина Петровна вспоминает, что дома у них часто бывали коллеги родителей – Михаил Иванович Леонов, Галина Ивановна Матвеева, Эдуард Лейбович Дубман. Позже, уже студенткой, она поняла, что именно они заложили основу фундаментальных исследований по истории Поволжья, стала учиться у них не только профессии, но и – что особенно важно – отношению к ней: «Сегодня я часто вспоминаю Галину Ивановну [Матвееву], и не как выдающегося ученого – это я смогла оценить уже потом, после университета, а как человека, который относился к студентам с уважением, с пониманием... Любое мнение, самое, казалось бы, фантастическое, ею рассматривалось и принималось, либо отвергалось, – но аргументированно, уважительно. Общалась с нами, как с научными оппонентами, а не детьми».

В 1989 году Екатерина Петровна с отличием окончила исторический факультет Куйбышевского государственного университета. По окончании университета поступила в заочную аспирантуру, а также одновременно вела преподавательскую работу. После успешной защиты кандидатской диссертации и публикации монографии «Кризис русского дворянства» [5] ее научным консультантом при подготовке докторской диссертации согласился быть выдающийся ученый Виктор Григорьевич Тюкавкин. Он же выступил в качестве научного редактора монографии «Власть и поместье дворянство России в начале XX века» (Самара, 2002) [1], которая была удостоена Губернской премии в области науки и техники за 2004 год. После защиты докторской диссертации в диссертационном совете при Саратовском государственном университете Е.П. Баринава продолжила изучение этой проблемы. В 2006-2007 гг. ее научные изыскания были поддержаны грантом Президента Российской Федерации, что ускорило издание монографий «Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет» [2], «Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик» [3].

С 1993 года Екатерина Петровна Баринава работает в Самарском институте (филиале) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (до 2012 г. – Российского государственного торгово-экономического университета). Здесь она прошла путь от преподавателя кафедры гуманитарных дисциплин до профессора (2004 г.) и заместителя директора по учебно-воспитательной работе (с 2008 г.). Обладая профессиональной компетентностью и большим опытом работы, Е.П. Баринава является ведущим специалистом по организации и совершенствованию учебного и воспитательного процесса, формированию интеллектуального, культурного и нравственного развития студентов.

Екатерина Петровна успешно проводит научные исследования по социальной истории, аграрной истории, социологии и психологии образования, принимает активное участие в работе международных, российских и региональных конференций в составе оргкомитетов и как участник. Имеет более 180 публикаций, из них 150 научных, в том числе 10 монографий. В поле зрения ее научных интересов – история самарского купечества [6], судьбы дворянских лидеров, история Самарского края начала XX века.

*Специалист по новейшей истории помогает нам смотреть
в глаза настоящему и будущему, позволяя понять,
какие (пусть самые ужасные) силы сделали наш мир
и наше общество такими, как есть.*

Джеймс Джолл

Советская историография не признавала полутонов. В парадигме марксистской идеологии общество до Октябрьского переворота 1917 года принято было описывать исключительно негативно, после – палитра красок иногда расширялась, иногда краски исчезали вовсе, но – еще немного, и мир засверкает всеми цветами. И даже в таких жестких рамках все же удавалось изучать темы, которые не казались перспективными с любой точки зрения. Тема научной работы Н.Н. Кабытовой – история революции 1917 года – всегда требовала независимости оценок, взвешенности суждений. М.И. Леонов посвятил свою научную деятельность изучению партии социалистов-революционеров, что в 1970-е гг. казалось просто пугающим для исторического сообщества. Изучение средневековой истории Самары, которое стало делом всей жизни Э.Л. Дубмана, не предполагало широкого отклика в советское время. Только научной смелостью можно объяснить обращение самарских историков к таким неоднозначным для своего времени научным исследованиям. П.С. Кабытов, который возглавляет кафедру Российской истории и сегодня, поддерживал творческие поиски коллег, внимательно и корректно относился к научным изысканиям студентов и аспирантов, направлял и помогал сделать первые шаги в науку – настоящую, профессиональную, интересную! Именно эта атмосфера – постоянной исследовательской работы, восприятия науки как образа жизни, способа существования, открытости новому, но и бережное отношение к предыдущему опыту – помогла Е.П. Бариновой не только найти свою тему в многообразии исторических проблем, выработать свой методологический стиль, но и воспитать научных последователей.

«Дворянство упустило свой исторический шанс, не сумело преодолеть кризис, не разглядело момента, когда вопрос об уменьшении привилегий дворянства уступил место вопросам жизни и смерти», – говорит Екатерина Петровна. Российское дворянство заплатило за свои исторические ошибки высокую цену: гибель в годы Гражданской войны, изгнание в чужие страны, не жизнь, а бытование в стране победителей с клеймом «классовых врагов». Однако гораздо печальнее и одновременно страшнее, почти как приговор звучали слова «бывшие люди». Их судьбы сегодня изучает Е.П. Баринова: «Лучшими свидетелями времени являются источники, которые не предназначались для публикации – письма, мемуары, дневники. Это повседневная история, ежедневная летопись – работать с ними чрезвычайно сложно. Сто лет спустя мы рассматриваем факты, события, поступки, исходя из оценок и мироощущения сегодняшнего дня. Потому и кажется, что в прошлом все было ясно и объяснимо. Но работа с личными документами требует почти “расследования” – расшифровки текста, поиска “скрытого смысла”».

Письма дворян, которые после 1917 года выжили и остались в России, адресованные в «Помполит» (организацию «Помощь политическим заключенным») Е.П. Пешковой, помогают воссоздать условия – политические, социальные, бытовые, – в которых оказались представители этой социальной группы во враждебном окружении [4].

Ученики Е.П. Бариновой продолжают восстанавливать разорванную когда-то историческую память: основная линия большинства исследований – обыденная жизнь различных социальных групп, их ментально-психологические установки, ценности, образ жизни и трансформация сознания в бурном, уже ушедшем, но все еще близком XX веке. Ведь, как сказал Дж.Тош, «Прошлое не сохранилось в неизменности, но и наш мир является продуктом истории».

Библиографический список

1. Баринова Е.П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара: Самарский университет, 2002.
2. Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара: Самарский университет, 2006.
3. Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008.
4. Баринова Е.П. Советская Россия 1920-х годов на страницах дворянских воспоминаний // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 49–55.
5. Кабытова Е.П. Кризис русского дворянства. Самара, 1997.
6. Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006.

Viktoriya Trifonova

TO THE ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR: EKATERINA BARINOVA

The article is devoted to the contribution of Ekaterina Barinova in the study of history of the Russian nobility and Samara region, and to the main trends of her scholarly work.

Keywords: Ekaterina Barinova, history of nobility, Samara region.

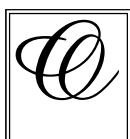
СТАТЬИ

УДК 94(47).083

М.И. Леонов***ЭСЕРЫ В ОКТЯБРЬСКОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАЧКЕ 1905 Г.**

В статье рассматривается деятельность партии эсеров в октябрьской всеобщей политической стачке 1905 г., ее взаимоотношения с массовыми и партийными организациями.

Ключевые слова: всероссийская октябрьская политическая стачка, Всероссийский железнодорожный союз, партия эсеров.

Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г. – знаменательное событие истории России начала XX века. По ориентировочным подсчетам, в ней участвовало около двух миллионов человек: рабочих и железнодорожников, чиновников и служащих государственных учреждений, торговых предприятий и городского транспорта. Мир еще не знал такой грандиозной забастовки. Революционные и советские историографы именовали ее «высшим подъемом революции». Начальник Министерства императорского двора А.А. Мосолов отмечал: «Под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей железнодорожной забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки» [10, с. 212]. Власть выпустила из рук руль государственного управления.

17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест «об усовершенствовании государственного порядка», которым даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; в будущем никакой закон не мог иметь действительной силы без одобрения Государственной Думы, право участия в которой «в мере возможности» получали и те слои населения, которые были лишены его по так называемому Булыгинскому законопроекту.

До начала 1920-х гг. отечественные исследователи отмечали, что всероссийская политическая стачка протекала стихийно и ни одна политическая партия ею не руководила. Затем ситуация изменилась и официально утвердилась точка зрения, что стачку подготовили и возглавили большевики, которым противодействовали «провокаторы-эсеры» и непоследовательные руководители Центрального Бюро Всероссийского железнодорожного союза

* © Леонов М.И., 2017

Леонов Михаил Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, mleonov40@gmail.com.

(ЦБ ВЖС). Стоит отметить, что в данном случае историки-марксисты игнорировали мнение самого В.И. Ленина: «И во главе этой многоязычной, многомиллионной массы встала весьма скромная делегация союза железнодорожных служащих» [9, с. 2]. С начала 1920-х гг. издательства решительно отклоняли «апокрифические тексты» о событиях октябрьской политической стачки. Московская цензура в 1923 г. «зарезала» одобренную редактором сборника Б.П. Козьминым статью председателя ЦБ ВЖС В.Н. Переверзева, поскольку в ней говорилось о роли эсеров в октябрьских событиях 1905 г., о противодействии московских социал-демократов, как меньшевиков, так и большевиков, организации всероссийской политической стачки и о попытках московских большевиков расколоть Всероссийский железнодорожный союз. Только после того, как автор удалил из статьи все, что касалось взаимоотношений социал-демократов и эсеров, более того, убрал сами слова «эсер», «большевик», редакция журнала «Былое» решила принять ее [11, д. 344, л. 1–4]. Мемуары же В.Н. Переверзева цензура публиковать не разрешила [12, ед. хр. 14, ед. хр. 25].

Эсеры восторженно встретили революцию: в периодических изданиях, прокламациях и брошюрах, на митингах и собраниях они призывали к решительной борьбе с правительством, «всеми врагами трудового народа», критиковали оппортунизм «освобожденцев» (будущих кадетов), бичевали «реакционеров» земцев-конституционалистов (будущих октябристов), активно участвовали в бесчисленном количестве манифестаций, добывали оружие и создавали вооруженные отряды («боевые дружины»), основывали массовые организации рабочих, служащих, учащихся, крестьян.

Весной 1905 г. эсеры Москвы, Петербурга и ряда других городов инициировали создание Всероссийского железнодорожного союза. На состоявшемся в апреле 1905 г. I съезде Союза в Центральное Бюро его были избраны эсеры – машинисты Московско-Казанской железной дороги А.В. Ухтомский и Н. Печковский, железнодорожный техник И.И. Беднов, железнодорожный служащий В.Н. Переверзев. В.Н. Переверзев возглавил ЦБ ВЖС. Центральное Бюро с первых дней существования установило крепкие связи с Московским комитетом партии эсеров; по словам В.Н. Переверзева, «дружно работали с ним рука об руку» [12, ед. хр. 14, л. 138; ед. хр. 25, л. 5; 14, л. 3–10] Напротив, с социал-демократами, противниками профессионально-политических союзов, отношения ЦБ ВЖС с самого начала не заладились. Часть социал-демократов, в первую очередь московские большевики, попыталась создать под своим патронажем организацию только рабочих-железнодорожников; другая часть, прежде всего меньшевики, ратовали за создание чисто профессионального железнодорожного союза. Ни те, ни другие в своих стараниях не преуспели. Видный большевик В.П. Ногин в 1925 г. с полным основанием ставил в вину московским комитетчикам социал-демократам агитацию против профессионально-политических союзов вообще и железнодорожного союза в частности [13, с. 207].

Петербургский комитет РСДРП, подобно московскому, до середины октября агитировал против Всероссийского железнодорожного союза, всеобщей стачки железнодорожников и против всероссийской политической стачки, мотивируя это тем, что социал-демократы в принципе являются противниками профессионально-политических союзов, а момент для начала всеобщей забастовки еще не наступил [3, с. 94–96; 8, с. 23–24, 43].

Состоявшийся в Москве в июле 1905 г. II съезд Всероссийского железнодорожного союза признал всеобщую политическую стачку необходимой и поручил Центральному Бюро наметить дату ее начала. В сентябре – первых числах октября Центральное Бюро, поддерживаемое московским комитетом партии эсеров, вело интенсивные переговоры с местными отделениями Союза. С одобрения московского комитета эсеров Центральное бюро 2 октября направило телеграмму по всем железнодорожным станциям, призывая готовиться к всеобщей стачке [15, с. 15]. 5 октября по рекомендации И.И. Беднова и Н. Печковского Центральное Бюро наметило день выступления в Москве: 6 октября. Начать забастовку поручили машинистам товарных поездов московской станции Казанской железной дороги; служащим почтово-телеграфного Союза дали задание разослать по всем станциям телеграммы с призывом поддержать забастовку и самим присоединиться к ней. На том же заседании Центрального Бюро 5 октября была утверждена сформулированная И.И. Бедновым и Н. Печковским состоящая из шести пунктов программа всеобщей стачки, опубликованная в газете «Русские ведомости» и в прокламациях московского узлового Бюро Всероссийского железнодорожного союза.

Как и было намечено, в 2 часа дня 6 октября объявили забастовку машинисты товарных поездов Казанской железной дороги. Одна часть забастовщиков, возглавляемая А.В. Ухтомским и И.И. Бедновым, направилась на станцию Перово, откуда от имени Центрального Бюро Всероссийского железнодорожного Союза направила телеграммы по всем станциям, призывая начать 7 октября стачку; другая часть, во главе с Н. Печковским, остановила движение поездов между станциями Сокольники и Сортировочная. Инициаторов забастовки в ночь на 7 октября власти задержали, но вскоре, по настоянию железнодорожников, отпустили. Московская станция Казанской железной дороги к четырем часам дня 7 октября встала полностью [12, ед. хр. 25, л. 10–12]. 8 октября прекратилось движение на всех, кроме Николаевской, железных дорогах Московского узла; 12 октября были парализованы железные дороги Петербургского узла; в эти же дни прекратилось движение на всех железных дорогах страны. Стачку железнодорожников поддержали рабочие, учащиеся, служащие, интеллигенты. С 15 октября 1905 г. стачка стала всероссийской. Связи между городами были парализованы, бездействовали телеграф и телефон, водопровод и освещение, не выходили газеты, были закрыты школы, театры, магазины, государственные и общественные учреждения. Люди вышли на улицу; повсюду собирались митинги, шли демонстрации. Страну охватила стихия.

Рассмотрим, как разворачивались события в некоторых районах России. В Самарской губернии 11 октября прекратили работу телеграфисты и служащие станций Самаро-Златоустовской железной дороги; в ночь на 12 октября прекратили движение поезда. В этот же день к стачке присоединились рабочие мастерских и депо. 13 октября волнения охватили город: остановился транспорт, прекратили работу промышленные предприятия, закрывались школы, учреждения, по улицам ходили демонстрации. 14 октября объявил о себе железнодорожный стачечный комитет, в котором преобладали эсеры и который возглавлял эсер инженер А.Д. Осеев. Отныне железнодорожники обращались к начальству только через комитет, в распоряжении которого были телеграф и «пролетарский поезд». Самарский железнодорожный стачечный комитет полностью солидаризировался с про-

граммой ЦБ ВЖС. На всем расстоянии от Самары до Уфы курсировал «революционный поезд № 2», стараниями которого возникли стачечные комитеты на станциях Абдулино, Кинель, Кротовка, Похвистнево. Самарские эсеры были деятельными участниками общегородского стачечного комитета, организаторами митингов и демонстраций [7, с. 103–104].

В Харькове к забастовавшим 7 октября железнодорожникам примкнули рабочие, учащиеся, служащие. Вскоре стачка охватила весь город. На крупнейшем паровозостроительном заводе 12 октября избрали «Комитет борьбы», половину членов которого составили эсеры и который возглавил эсер А. Сазонов. Харьковский комитет партии эсеров организовал боевую дружину, действовавшую вместе с боевой дружиной социал-демократов. Объединенной боевой дружиной командовали социал-демократ А. Васильев и эсер Корытин [2, с. 61, 162, 231]. В Курске железнодорожная стачка также началась 7 октября; 8 октября стачечники избрали стачечный комитет, председателем которого стал эсер Е. Валов. Лидерами общегородской забастовки в Курске, начавшейся 10 октября, были беспартийные рабочие и эсеры [1, с. 121, 127].

В общегородских стачечных комитетах в дни октябрьской политической стачки влияние эсеров было значительно меньшим, чем в отделениях Всероссийского железнодорожного союза. Как правило, в общегородских выступлениях они уступали первую роль социал-демократам, но проявляли крайний радикализм и, не ограничиваясь призывами к «борьбе до победы», за «всю волю и всю землю», за восьмичасовой рабочий день, за Учредительное собрание, организовывали боевые дружины и вступали в столкновения с полицией, казаками и солдатами.

Историк-большевик Н. Ростов, автор обстоятельных исследований о революционных выступлениях железнодорожников в революции 1905–1907 гг., констатировал: «Руководство стачкой очутилось в руках с.-р. и радикальствующей мелкобуржуазной интеллигенции». В свою очередь, авторы «Доклада партии социалистов-революционеров конгрессу социалистического интернационала в Штутгарте» подчеркивали, что из всех политических партий только эсеры активно действовали в рядах Всероссийского железнодорожного союза «и в течение Великой железнодорожной забастовки в октябре месяце несколько железнодорожных линий московского района находились в их руках» [15, с. 156; 16, р. 59].

Конечно, говорить о всеобъемлющем руководстве эсерами всероссийской забастовкой не приходится. Сама партия эсеров была консолидирована слабо, наиболее влиятельные и деятельные члены ее пополняемого кооптации Центрального комитета находились за границей и наблюдали за событиями со стороны, каждая партийная российская организация действовала на свой страх и риск. Можно констатировать лишь, что эсеры играли видную роль в Центральном бюро и большинстве отделений Всероссийского железнодорожного союза, в стачечных комитетах крупнейших железных дорог, инициировали всеобщую стачку, были ее активными участниками.

Эсеровская эмиграция с затаенным вниманием следила за событиями октябрьской стачки. «Манифест» 17 октября вызвал ажиотаж. Самые влиятельные члены ЦК и Заграничной Организации партии Е.Ф. Азеф, Ф.В. Волховский, М.Р. Гоц, О.С. Минор, М.А. и В.И. Натансон, Э.И. Рубанович, Б.В. Савинков, Н.С. Тютчев, Е.И. Устинов, В.М. Чернов, Л.Э. Шишко 18 октября заседали

в Женеве на квартире М.Р. Гоца с утра до позднего вечера [4, л. 65–66]. Председательствовавший О.С. Минор и М.А. Натансон призывали всех немедленно отправляться в Россию. Наиболее оптимистично настроенный М.Р. Гоц восклицал: «Со старым режимом кончено. Это конституция, это новая эра». По мнению Б.В. Савинкова, «Манифест» создал прочные основания мирного эволюционного развития; в силу этого, он предлагал максимально свернуть нелегальную деятельность. М.А. Натансон называл «Манифест» «неискренней вещью» и считал необходимым усилить, насколько возможно, революционную нелегальную борьбу. В.М. Чернов и Л.Э. Шишко, поддержанные большинством, говорили о том, что «Манифест», «вырванный силой», во многом «страдает неопределенностью», что даст власти возможность при благоприятных обстоятельствах урезать данные обещания. «Самодержавие поскользнулось», говорили они, силы революции и правительства находятся в состоянии неустойчивого равновесия, задача партии состоит в том, чтобы изменить это равновесие в пользу революции, а для этого необходимо всеми силами добиваться освобождения политических заключенных и ссыльных, повсеместно создавать отряды народной милиции [5, л. 10–11; 6, с. 173].

Острую полемику вызвал вопрос о терроре. Б.В. Савинков и Н.С. Тютчев настаивали на усилении террора, в первую очередь «центрального террора». М.Р. Гоц, напротив, был уверен, что время террора прошло. Выразивший мнение большинства В.М. Чернов предлагал воздерживаться от покушений, но Боевую Организацию не распускать, а «держат под ружьем».

На заседаниях, которые состоялись в следующие дни, лидеры партии решили работу ЦК и других центральных органов сосредоточить в России, перенести туда же издательство партийной литературы, свернуть заграничную деятельность. Начиная с 20-х чисел октября 1905 г., эсеры-эмигранты направились в Россию.

К осени 1905 г. партия эсеров приобрела характерные черты одной из самых значимых массовых политических организаций; ей сочувствовали, с ней солидаризировались, ее поддерживали различные слои города и деревни, она была влиятельна во Всероссийских крестьянском и железнодорожном союзах, Всероссийском союзе почтово-телеграфных служащих и многих других массовых объединениях. В дни октябрьской политической стачки она энергично агитировала за самые радикальные действия, выступала застрельщиком многих забастовок железнодорожников, участвовала в большинстве стачек на фабриках и заводах, в высших и средних учебных заведениях, проявила себя как одна из наиболее влиятельных партийных организаций.

Библиографический список

1. 1905 год в Курской губернии. Курск, 1925.
2. 1905 год в Харькове. Харьков, 1925.
3. Войтинский В. Годы побед и поражений. Кн.1. Берлин-Пг.-М., 1923.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП. Оп. 316. ОО. 1905 г. Д. 1. Ч. 1. Т. 4.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 123.
6. Из истории партии С.-Р. Показания В.М.Чернова в Судебно-следственной комиссии по делу Азефа // Новый журнал. Нью-Йорк. 1971. № 101.

7. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000.
8. Кривошеина Е. Петербургский Совет рабочих депутатов. Л., 1928.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12.
10. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993.
11. Отдел рукописей института мировой литературы (ОР ИМЛИ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 344.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 634. Картон 1. Ед. хр. 14, 25.
13. Пролетарская революция. М., 1925. № 2 (37).
14. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1345. Оп. 1. Д. 417.
15. Ростов Н. Железнодорожники в первой революции // Пролетариат в первой революции. М., 1925.
16. Rapport du Parti Socialiste Revolutionnaire de Russie au Congres Socialiste International de Stuttgart. (Août 1907). 1907.

Mikhail I. Leonov

**THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES
IN THE OCTOBER ALL-RUSSIAN POLITICAL STRIKE OF 1905**

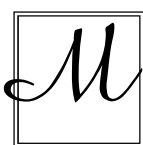
The article examines the activities of the Socialist-Revolutionary Party in the October general political strike of 1905, its relations with mass and party organizations.

Keywords: All-Russian October political strike, All-Russian Railway Union, Socialist Revolutionary Party.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1682 Г.

В статье рассматриваются идеологические концепты Московского восстания 1682 г., обусловленные сложным переплетением социальных интересов боярских группировок, московских стрельцов и посадского люда, их отношением к «истинной вере» раскольников. Автор исследует вопрос о сформированности в восстании идеологии московских стрельцов.

Ключевые слова: Московское восстание 1682 г., социальные интересы, московские стрельцы, идеология, «истинная вера», слухи.

Московское восстание 1682 г. вошло в историю как событие, ставшее результатом сплетения ожесточенной борьбы за власть боярских группировок и мощного антиправительственного выступления городских низов, получившее на определенном этапе окраску борьбы «за старую веру».

Отметим, в историографии не завершено исследование восстания 1682 г. в аспекте взаимовлияния идей его основных социальных сил: придворных группировок (социальных «верхов»); стрельцов, солдат, посадского люда (социальных «низов»); а также идеологического течения раскольников. Полагаем, идеологические позиции упомянутых сил и определили политико-идеологическую направленность восстания. Придворные группировки формировались по принципам семейно-родственных связей и отражали местнические противоречия и личные симпатии. Их борьба за власть проходила на фоне мощного недовольства стрельцов, которое и придало политической борьбе в столице особые черты. Привлекая ранее известные и новые исторические факты, обозначим собственную версию об идеологических концептах Московского восстания 1682 г.

Недовольство социальных «низов» сложившимися социальными, политическими и экономическими условиями проявилось в действиях, прежде всего, «приборных людей», имеющих свои особые интересы. Характерно, что стрельцы на определенном этапе отвернулись от холопов и продемонстрировали веру в «добрых», поставленных ими новых правителей. Достигнув успеха, стрельцы заявили, что возвращаются к своему «естественному состоянию» верных и покорных слуг трона [4, с. 420].

Причины и движущие силы восстания четко обозначились в конце апреля 1682 г. Исчезновение сильной царской власти, ослабление единства феодальной верхушки подвигли стрельцов на протест, а их недовольством воспользовалась «партия Софьи – Милославских». Противоположные интересы разных социальных сил совпали на время, создав неустойчивую ситуа-

* © Заплетин В.В., 2017

Заплетин Владимир Владимирович, аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, v.zapletin@yandex.ru.

цию. За событиями мая – июня 1682 г. просматривается острая политическая борьба дворцовых партий и «направляющая» функция дворцовых интриг в действиях и требованиях восставших стрельцов [6]. Так, 18 мая 1682 г. стрельцы добились избрания второго царя, а 23 мая они потребовали, чтобы Иван Алексеевич стал «первым» в этом дуумвирате. Через 3 дня, 26 мая требования стрельцов были окончательно утверждены Боярской думой с привлечением представителей московских дворян. Была принесена присяга обоим царям и состоялось их венчание. Были проведены новые пожалования в Боярскую думу и назначен ряд судей в приказы. Партия Нарышкиных, потеряв часть своих ставленников, в результате событий 15–17 мая лишилась прежней возможности управлять порядком ведения государственных дел. Но Нарышкины не были окончательно разгромлены. Их сторонники контролировали Боярскую думу и получили ряд приказов. С помощью Хованского, опасавшегося чрезмерного усиления Милославских, Нарышкины сохранили «своего» царя и его мать. «Партия» их противников также посадила «своего» царя на престол, усилила позиции в Думе. Но и ей не удалось полностью подчинить Боярскую думу и добиться преобладания среди судей приказов. Сомнительно, что эта последовательность политических действий была заранее продумана и приведена в исполнение взбунтовавшимися стрельцами.

В июне разгорается спор об «истинной вере». Для понимания идеологической функции этого спора определим социально-психологические установки важных его участников, стрельцов и раскольников, а также отношение к расколу борющихся дворцовых группировок.

В историографии этот вопрос частично изучен. Так, Н.Г. Устрялов главным фактором мятежа 1682 г. считал желание приборных людей исправить социальную несправедливость – устранить «никонианство» и сформировать «раскольническую демократию». Историк называет зачинателем выступления в защиту «старой веры» князя И.А. Хованского, исповедовавшего втайне раскол. Аналогичную точку зрения находим у А.П. Щапова и А.Н. Штрауха [25, с. 53; 28, с. 103–105, 299–300, 477; 29, с. 52; 27, с. 9, 15–43]. А.И. Журавлев видел причину единения стрельцов и расколоучителей в приверженности стрельцов к постоянным восстаниям [9, с. 61–62]. Митрополит Макарий, Н.И. Костомаров и К.Н. Плотников полагали, что всему виной было «невежество и легкомыслие» приборных людей, на которых смогли оказать воздействие «расколоучители» [14, с. 240–259; 12, с. 487–490; 18, с. 65–66]. Н.Я. Аристов видел причину союза стрельцов и старообрядцев в том, что они совместно боролись против «централизации» и «против наплыва несродных направлений, вливавшихся в русскую жизнь» [1, с. 64–99]. По мнению В.И. Буганова, агитация старообрядцев привела к успеху потому, что стрельцы примерно поровну состояли из сторонников и противников «никонианства» [4, с. 67, 129–178, 210–235]. Ранее Е.А. Белов пришел к выводу, что мятеж в мае был спровоцирован И.А. Хованским. Он же являлся руководителем движения и на втором этапе, когда в движение пришли лидеры старообрядцев [2, с. 126–140]. С.М. Соловьев отмечал, что защитить «старую веру» стрельцов побудили пришедшие «расколоучители» – сначала Сергей, а потом Никита [20, с. 259–279]. С.К. Богоявленский, глубоко изучавший события весны и лета 1682 г., тайным инициатором движения называет И.А. Хованского [3, с. 185–210]. Похожую точку зрения выражает П.К. Щебальский, полагая, что восставшими 15–17 мая руководила «партия

царевны Софьи», Хованский же, будучи «старовером», поднялся до лидера «раскольничьего мятежа», который ему помогли разжечь пришлые «раскольники» [30, с. 12–39, 54–60]. Много позднее развивает эту мысль В.Г. Карцов [11, с. 102–112]. Широко представлена и другая точка зрения: стрельцы были инициативными и самостоятельными участниками протеста вне связи с раскольниками. Так, И.Н. Харламов исходит из того, что «старообрядцы» пришли на зов стрельцов, которые после майского восстания сами поднялись за истинную «старую веру», но все-таки руководил челобитчиками Сергей [26, с. 1–3]. Соглашается с Харламовым П.Н. Милюков [16, с. 176–179]. Напротив, С.П. Мельгунов отмечает самостоятельность и осознанность защиты «старой веры» стрельцами, которая соотносилась в их сознании «со старыми идеалами политической вольности и социального равенства». Лидером выступления Мельгунов считает И.А. Хованского [15, с. 70, 83–85].

Уточним причинно-следственные связи событий. В «Житии» протопопа Аввакума указывается, что в 1660-х гг. стрельцы в Москве в борьбе со «староверами» фактически исполняли полицейскую роль [8, с. 29, 55–56, 308, 318]. Осужденных «священным собором» в 1667 г. Аввакума, попа Лазаря и старца Епифания везли под караулом «неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник». Алексей Михайлович направлял к Аввакуму стрелецкого голову Ю.П. Лутохина, чтобы уговорить заключенного отказаться от «старой веры». А в 1670 г. московский стрелецкий полуголова И.К. Елагин возглавлял в Пустозерске «казни» Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания [8, с. 63–65, 322–323]. Но «староверия» придерживалась и определенная часть стрельцов в Москве. Так, О.Г. Усенко указывает на П. Макарьева и П. Ледушникову, отправленных в Кольский острог (не позднее января 1682 г.), где они проповедовали двоеперстие, а также отмечает тех, кто выступали за раскол втайне, а именно Алексея Юдина из Воробина полка – участника восстания 1682 г., стрельцов Титова (Ознобишина) полка. Именно они и развернули выступление в защиту «старой веры» [24, с. 27–45]. Но, вероятнее всего, большая часть столичных стрельцов поддерживала «никонианство». Важным является факт: церковный собор 1681 г., принявший программу борьбы с «расколом» в Москве, определил стрельцов как основную силу для расправы с раскольниками [14, с. 361–362; 20, с. 237]. Сомнительно, что к весне 1682 г. московские приборные люди делились на «никониан» и «староверов» чуть ли не пополам [3, с. 199; 4, с. 217; 19, с. 36]. Существенно и то, что после событий 5 июля все стрельцы, ходившие в «караул» (см. ниже), легко поддались на уговоры властей и пошли против «расколоучителей», а вскоре и вовсе отдали их в руки властей. Это, полагаем, является свидетельством того, что истинных старообрядцев среди стрельцов было немного, и в «Титовом полку» они не были большинством. К тому же если к патриарху как человеку повстанцы относились с подозрением, то в его авторитете как предстоятеля церкви никто не сомневался: придя к нему с «расколоучителями», «выборные» от стрельцов просили у Иоакима благословения. После казни Хованских стрельцы вновь просили у патриарха заступничества [24, с. 32]. Маловероятно, что, поднявшись на мятеж, московские стрельцы думали первоначально о восстановлении «старой веры».

Нелогично считать главным организатором мятежа князя И.А. Хованского: Хованские родственными и служебными узами были связаны со стрелецкими командирами, против которых первоначально и выступили стрельцы [13, с. 17]. «Партия Софьи» получила в союзники стрельцов лишь вслед-

ствие весьма важной причины – накануне прошли волнения с челобитьями из-за притеснений и поборов [20, с. 255; 25, с. 28; 30, с. 15, 20–21; 4, с. 137; 11, с. 102]. Трудно предположить, что у правящей элиты возник список будущих жертв восстания, получивший распространение среди стрельцов накануне их выступления [20, с. 260; 25, с. 28; 30, с. 22; 4, с. 142]. Скорее список появился как предвестник волнений. «Черные списки» на бумаге и в народной молве были важной предысторией социальных конфликтов в Российском государстве XVII–XVIII вв. [21, с. 10–12, 16]. События восстания 1682 г., по точному определению М.М. Галанова, явились «сложным переплетением в один клубок социального протеста приборных служилых людей и борьбы придворных группировок за власть» [7, с. 398–406].

Социальные протесты «низов», как правило, были стихийными и зачастую связаны с распространением слуха «измена». Этот слух овладевал массовым сознанием, когда власть имущие злоупотребляли своими полномочиями; шли на преступления против Бога (в народном понимании) и православной веры; против личности монарха; наносили ущерб интересам «государевой отчины» и простому люду. Распространенность слуха «измена» определяла социально-психологическую готовность народа выступить с оружием против «изменников». Недовольство стрельцов, страдавших от «обид» и притеснений со стороны «начальных людей», копилось долго, но вылилось в массовое выступление только после того, как у стрельцов появилась формальная возможность обосновать его опасениями «измены» при царском дворе [24, с. 33]. Приход Нарышкиных к власти и возведение на престол Петра в обход его старшего брата Ивана был нарушением традиции, «нарушал Божью волю», следовательно, означал «измену» всех, кто принимал участие в незаконном «деянии» [4, с. 98, 107–108]. Одновременно распространились слухи о том, что А.С. Матвеев с помощью немецких лекарей готовится отравить царскую семью, а Нарышкины затеяли «злое дело» против царевича Ивана [5, с. 37]. В службе самодержцу «законность» и «справедливость» были базовыми принципами [24, с. 30–31]. Их нарушение предопределяло по общинным традициям выступление «всем миром», чтобы уберечь царя, если он не мог защитить себя сам. Одновременно обязательными были и соблюдение указов «подлинного» монарха, и «сохранение порядка». Поэтому стрельцы после 17 мая 1682 г. боролись с грабежами. Они не стали помогать холопам, просившим об избавлении от кабалы. Напротив, стрельцы искали подателей такой челобитной и часть из них казнили. Тех же холопов, которые перешли в состав стрельцов, решили не выдавать [4, с. 180–181, 197–205]. Понятие справедливости включало ожидание награды от самодержца за стрелецкую верную службу. Так, спасая царевича Ивана от якобы неминуемой смерти, возведя его на царство, стрельцы и посадский люд в 1682 г. полагали, что они, разгромив «измену», помогли всему государству и достойны награды. Потому-то стрельцы добиваются выдачи имущества казненных «изменников», выплаты «заслуженных денег за 40 лет», увеличения жалованья, требуют возложить обязанность по сбору «стрелецкого хлеба» на посадских жителей [4, с. 182–183, 239]. Также стрельцы подали челобитную с требованием установить на Красной площади столб с указанием имен казненных «изменников», а также дать им жалованные грамоты с перечислением стрелецких прав и привилегий [5, с. 36–39].

Полагаем, в стремлении к правде и справедливости в их народном понимании следует искать социально-психологическое основание совмест-

ного выступления стрельцов и раскольников в защиту «старой веры». «Расколоучители» требовали прекратить преследования своих единоверцев. Стрельцы в поданной 6 июня челобитной требовали, чтобы без именных царских указов и «подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутом и батоги не били и не казнили» [4, с. 237]. Характерно, выступление в защиту «старой веры» началось в виде челобитья. В призывах «расколоучителей» звучал традиционный для участников социальных протестов в средневековой России мотив – «стать за дом пресвятой Богородицы и за православную веру» [24, с. 34–35]. Этот лозунг понимался по-разному: «расколоучители» его использовали для борьбы с «никонианством»; стрельцы свою истинную службу царю увидели и в том, чтобы окончательно разрешить спор о том, какая вера – «старая» или «новая» – истинна. Поэтому стрельцы поддержали идею раскольников о церковном диспуте [10, с. 116, 121, 147]. Массовость выступления в «защиту старой веры», полагаем, объясняется и тем, что стрельцы «положили заповедь» еще в апреле «стоять заодно» [4, с. 91]. Инициатива стрельцов Титова (Ознобишина) полка имела объяснение в староверческих настроениях жителей Гончарной слободы, давних намерениях Аввакума, Досифея, Сергия и др. провести диспут о вере с «никониянами» на глазах царского дома и народа. Эта инициатива была поддержана и другими полками [22, с. 97]. Вероятно, что ни И.А. Хованский, ни Никита Пустосвят не были зачинщиками этого выступления. И.А. Хованский сделал попытку руководить «расколоучителями» и стоящими за ними стрельцами. Он способствовал тому, чтобы «официальным руководителем» челобитчиков стал его старый знакомый Никита. Однако руководителем не был ни тот, ни другой [22, с. 95–97; 23, с. 386]. О связи Московского восстания 1682 г. с идеей возвращения к «старой вере» красноречиво говорит факт, упомянутый непосредственным участником событий С. Романовым. После кремлевской «при» (вероятно, 6 июля) царевна Софья вместе с патриархом собрала к себе от всех стрелецких полков «выборных» и заставила их пообещать покинуть «расколоучителей». Часть московских стрельцов возмутилась поведением своих выборных, некоторые «выборные» оказались в застенке. Но из Кремля пришло указание присылать ежедневно по вечерам от каждого полка по 100 стрельцов «на опасный караул» в Кремль. Этим присыльным щедро «жаловали» пивом и медом, упрашивали отстать от «расколоучителей». Действия эти возымели успех: прибывшие «из караула» стрельцы повели себя агрессивно по отношению к «правоверным». «На другой день, – сообщает С. Романов, – также по сту человек перепоили, также и на третий день, да и все полки так перебрали». В итоге стрельцы не только «повинные принесли за руками», но и отрядили 100 человек для поимки «отцов». Никиту «оставили на Лыкове дворе за караулом», а «остальных рассадили порознь по темницам на патриаршем дворе» [10, с. 146–148]. Вскоре Никиту Пустосвята отдали «церковному суду» и казнили, а иных «отцов» не позднее конца июля разослали по монастырям [24, с. 43–45].

Подробно рассмотрев логику событий восстания 1682 г., сформулируем его основные идеологические концепты.

Стрельцы, поддержанные солдатами и частью посадского люда, стремясь ослабить гнет, добиться льгот и послаблений от царского дома, наказать виновных в своих бедах – полковников и «начальных» людей, выступили в восстании 1682 г. как вполне самостоятельная социальная сила. Однако движе-

ние трудно характеризовать как антифеодальное и антикрепостническое по содержанию и форме, так как в ходе мятежа не могли быть и не были обозначены политические требования об изменении характера и формы власти, отношений собственности. Восставшие стремились лишь провести «во власть» «добрых» бояр, защитить от «измены» престол. Осознанный социально-классовый и политический интерес стрельцы, солдаты и посадский люд в ходе восстания 1682 г. не продемонстрировали – ни в требованиях, ни в действиях.

Увлечение идеей возвращения «старой веры» в среде восставших явилось результатом сложного переплетения обстоятельств, социальных ожиданий и социально-психологических установок. Стояние «за веру», «правду» и «справедливость» являлось на протяжении веков характерной чертой идеологии народных движений в России как проявление своеобразия российского менталитета. Массовость стрелецкого выступления «за веру» на коротком этапе восстания, вероятно, объясняется применением нормы стрелецкого самоуправления – «стоять заодно». Самыми идейными участниками мятежа выступили раскольники. Они же и пострадали за свою идею. Стрельцы, получив обещание от «партии Софьи – Милославских» о социальных послаблениях – подачках, не только отказались в лице выборных от «расколуучителей», но и прямо предали своих недавних союзников.

Политические интересы и интриги дворцовых группировок явились «приводным ремнем» восстания. Объективная готовность к социальному протесту стрельцов использовалась партией «Софьи – Милославских – Хованских», чтобы одержать верх в борьбе за престол. Существовала диалектическая взаимосвязь интересов двух важных социально-политических сил мятежа: социальных «низов» – стрельцов, солдат и посадских людей; и «верхов» – «дворцовой партии». «Дворцовая партия», внутри которой боролись противоречивые частные интересы, предопределила дальнейшее противостояние социальных сил мятежа в августе-сентябре.

В событиях 1682 года были удачно использованы технологии манипуляций массовым сознанием. Все участники и, прежде всего, Софья – Милославские – Хованские широко использовали слухи, изветные письма – дезинформацию и «черный» пиар XVII в. Борьба дворцовых группировок за престол стала важным субъективным фактором восстания, но явно недостаточным, чтобы социальный протест «низов» получил идеологическое оформление антифеодального и антикрепостнического народного выступления. Свой социально-классовый, политический интерес социальные «низы» в полной мере не осознали и не сформулировали. Восстание явилось мощным выступлением против социального гнета и получило по воле обстоятельств, в силу российской ментальности и социально-психологической специфики исторического момента окраску движения «за правду», «справедливость», «против измены», а на коротком этапе – «за истинную веру» в их народном понимании.

Библиографический список

1. Аристов Н.Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.
2. Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 249.

3. Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. 1941. Т. 10.
4. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
5. Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976.
6. Галанов М.М. Политическая борьба в России в 1682 году: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000.
7. Галанов М.М. К вопросу о социальной сущности стрелецкого восстания 1682 года // Русское средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012.
8. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.
9. Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем. М., 1890.
10. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т.5. М., 1863.
11. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч.1. Калинин, 1971.
12. Костомаров Н.И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. № 4.
13. Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
14. Макарий [Булгаков], митрополит Московский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1889.
15. Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922.
16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Вып. 1. Ч. 3. СПб., 1903.
17. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
18. Плотников К.Н. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1914.
19. Рогов А.И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // Вопросы истории. 1973. № 4.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. (Т. 13–14). М., 1962.
21. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Ч. 2. Тверь, 1995.
22. Усенко О.Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1990. № 2.
23. Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // ТОДРЛ. Т.51. СПб., 1999.
24. Усенко О.Г. Спорные вопросы истории Московской «Замятни» 1682 года // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2008. Вып. 2. № 19 (79).
25. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.1. СПб., 1858.
26. Харламов И.Н. Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 9. Отд. 2.
27. Штраух А.Н. Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта: Социально-экономическая серия. 1928. Вып. 1.
28. Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века. Казань, 1859.
29. Щапов А.П. Земство и раскол. Ч. 1. СПб., 1862.
30. Щебальский П.К. Правление царевны Софии. М., 1856.

IDEOLOGICAL CONCEPTS OF THE MOSCOW UPRISING OF 1682

The article deals with the ideological concepts of the Moscow uprising of 1682 caused by the complex intertwining of the social interests of boyar groups, Moscow streltsy, and posad residents, their attitude to the «true faith» of the Schismatics. The author examines the question of the formation of the ideology of the Moscow streltsy in the insurrection.

Keywords: Moscow uprising of 1682, social interests, Moscow streltsy, ideology, «True faith», gossip.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В данной статье рассмотрена история развития внекультовой деятельности женских монастырей Российской империи конца XIX – начала XX вв.; показаны общие и частные направления социокультурных практик на примере обителей Симбирской епархии, раскрыты их индивидуальные особенности и традиции.

Ключевые слова: социокультурная деятельность, Симбирская епархия, православный женский монастырь.

Русское монашество – исключительный историко-культурный феномен, который на протяжении долгого времени служил жизненным ориентиром для большей части населения нашей страны не только в духовном воспитании, но и в широком спектре вопросов общественного устройства. Его составляющими были социальная сфера, хозяйственно-административная деятельность, наука, литература, иконопись, музыкальное искусство, архитектура, а также одна из ведущих сфер деятельности монашеской жизни – воспитание и духовное наставничество.

Обобщающие исследования, посвященные истории Русской православной церкви, были созданы в конце XIX – начале XX века архиепископом Филаретом (Гумиленским), митрополитом Макарием (Булгаковым), Е.Е. Голубинским, А.В. Карташевым [4; 10; 12; 17]. В это же время появились популярные описания истории возникновения православных монастырей. Так, Н.И. Григорович рассматривает процесс их функционирования со времен введения штатов по духовному ведомству [6]. Л.И. Денисов в своей работе дает краткую информацию о православных монастырях России. Он описывает место их возникновения, численность монашествующих и послушников, выявляет особенности храмовой архитектуры и земельных владений [7]. После 1917 года история монастырей, за редким исключением, выпала из поля зрения исследователей. В историографии 1920–1930-х годов православная церковь рассматривалась только в качестве послушного инструмента классовой политики самодержавия. Историографическая ситуация меняется лишь после 1980-х годов под влиянием возвращения в России интереса к религиозности вообще и православию в частности. Всесторонний анализ развития церковно-монастырского землевладения в Симбирско-Самарском Поволжье дан в исследованиях Э.Л. Дубмана [8]. Многие исследователи обратили внимание на благотворительную и «утешительную» миссию церкви как в прошлом, так и в настоящем. Особо необходимо выделить труды И.К. Смолича, создавшего обобщающие

* © Мирончева Е.А., 2017

Мирончева Екатерина Александровна, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ekaterina.mironcheva@yandex.ru.

труды по истории и подвижнической деятельности русского монашества [15]. В новейшей отечественной историографии появились работы, в которых исследователи рассматривают социально-бытовые аспекты внекультовой деятельности монастырей. Так, Л.В. Курышова раскрывает социокультурные традиции женских монастырей Волгоградской области [11]. Протоиерей Олег Беляев описывает храмовое убранство монастырей Симбирска [3]. Отдельному направлению внекультовой деятельности – благотворительности – посвятила свою работу С.Г. Казанцева [9]. Таким образом, на основе проанализированной историографии мы видим, что в настоящее время мало изучены внекультовые практики женских монастырей России. В данной статье мы рассмотрим основные направления ведения социокультурной деятельности Симбирского Спасского женского монастыря и Сызранского Сретенского женского монастыря Симбирской епархии в конце XIX – начале XX веков.

Сбором материалов для истории монастырей, святынь, церковью Симбирской епархии впервые занялся Капитон Иванович Невоструев – профессор Симбирской духовной семинарии. Ему удалось собрать свод документов, описывающих земельные владения, численность монашествующих, наличие учреждений призрения, больниц, архивов и библиотек монастырей Симбирской епархии [14]. Упоминание о симбирских женских обителях можно встретить в трудах Н.И. Баженова [2], где автор дает статистическое описание монастырей Симбирской епархии к началу XX века. П.Л. Мартынов описывает значимые события и происшествия в городе: сообщает о пожаре 1864 года, в котором сильно пострадал Симбирский Спасский женский монастырь [13]. Работа А.К. Яхонтова посвящена непосредственно храмовой архитектуре города Симбирска [18]. Вклад в изучение Сызранского Сретенского женского монастыря внес монах Аполлинарий, который подробно описал его быт и устройство [1].

На территории Симбирской епархии к концу XIX – началу XX веков располагалось 6 женских монастырей. В их числе был Симбирский Спасский женский монастырь – один из древнейших монастырей епархии. Статьи о расходах Спасского монастыря свидетельствуют, что он располагал значительными денежными средствами, часть которых направлял в помощь социально уязвимым группам населения, а остальные жертвовал государству в чрезвычайных ситуациях войн, эпидемий, холеры: «Пожертвование от достояния своего в пользу вдов и сирот Епархиального духовенства, крайне нуждающихся в призрении и возможной помощи» [5, оп. 2, д. 30, л. 1]. Под покровом Симбирского монастыря находились нищие, сироты, беспомощные вдовы. Так, 12 октября 1847 года в северо-западном углу обители было открыто училище для девиц-сирот из духовного звания [14, с. 51].

Сызранский Сретенский женский монастырь был основан в 1856 году в г. Сызрани Симбирской губернии. Бюджетные средства монастырей уездных городов формировались за счет прибыли от хозяйственной деятельности. Сызранский Сретенский женский монастырь был примером обители, которая располагала небольшим капиталом и существовала за счет пожертвований и выручки от хозяйственно-бытовой деятельности.

Отчеты игуменьи в духовную консисторию указывают на внушительные суммы, которые жертвовала обитель в пользу благотворительных учреждений и фронта. В первой половине 80-х годов XIX века Сретенский монастырь пожертвовал Обществу Красного Креста более 25 рублей серебром

[16, оп. 2, д. 97, л. 111]. В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов сёстры монастыря передали в Красный Крест «сшитые 97 сорочек, халаты, 200 штук разного белья, 3 пуда корпии, 250 бинтов. Монахини были сёстрами милосердия в Сызранском лазарете, устроенном комитетом Общества попечения о больных и раненых воинах» [16, оп. 2, д. 97, л. 114]. На территории обители располагались следующие учреждения призрения: в 1871 году на ее средства была открыта богадельня на 29 человек для приюта «стариц, больных и бесприютных разного звания. Призреваемые болящие и престарелые старицы, здесь собранные, могут быть окружены внимательным уходом» [1, с. 4]. При храме Божией Матери всех Скорбящих Радости монастыря имела больница на 8 кроватей [1, с. 5].

Сызранский Сретенский монастырь не оставлял без внимания образовательное направление социокультурной деятельности. На территории обители воспитывались малолетние девочки (14 девочек). Они обучались грамоте и рукоделию под руководством старших монахинь и содержались на собственные средства монастыря. Девочек обучали Закону Божьему, церковному пению, старославянскому языку, чистописанию, русскому языку [16, оп. 2, д. 85, л. 16].

Развитие социальных учреждений при монастыре контролировалось государством. С ростом экономического состояния и увеличением штата сестер расширялось поле просветительно-благотворительной деятельности женских обителей. Монашествующие стали вести работы по перевоспитанию заключенных. В качестве наказания в Сретенскую обитель ссылались арестанты из тюрем за различные совершенные противозаконные деяния. Из письма игуменьи Марии: «Анастасия Карпова Пименова, крестьянка, несовершеннолетняя преступница села Малого Нагаткина Симбирского уезда, которая выдержала в Монастыре заключение в течение 3 лет, во время коего вела себя хорошо, с покорностью трудилась и работала в богадельне» [16, оп. 1, д. 196, л. 72].

Атмосфера, царившая в храмах монастыря, была подходящей основой для создания при них просветительно-благотворительных учреждений. Сретенская обитель имела свою библиотеку с книгами духовно-нравственного содержания. Приобретение книг было одной из главных статей монастырского расхода: «В часы досуга многие из сестер занимаются чтением душевспасительных книг». При монастыре имелся также архив, в котором хранились документы с 1857 года в количестве 1028 дел. Обширная монастырская документация содержала исключительные сведения о жизни и деятельности обители внутри и за ее пределами, и представляла важное историко-культурное значение [16, оп. 1, д. 196, л. 72].

Русский монастырь всегда находился на страже русской культуры, одним из ответвлений которой было церковное пение – свидетельство веры, проповедь православных ценностей в мир прихожан. «Пение клирошанками исполняется тихое, стройное, приятное; чтение – ясное, неспешное и раздельное, что невольно возбуждает в сердце каждого посетителя особое благоговение и расположение к молитве. Такой благочинный строй монастырского Богослужения, благоговенное стояние сестер в церкви и тихое, мирное движение их по храму за выполнением каждого своего послушания при каждом Богослужении, производят глубокое набожное чувство в предстоящих в храмах богомольцах и многих трогают до слез» [16, оп. 2, д. 31а, л. 17].

Сызрань являлась одним из экономических и торговых центров Симбирской губернии, где получило свое развитие иконописное ремесло. Со второй половины XIX века иконописью занимались монахини женского Сретенского монастыря. Помимо этого, в монастыре действовали башмачная, золотошвейная, просфорная, хлебопекарная мастерские. «Сестры занимаются фольговой уборкою икон, церковной живописью, шитьем священных облачений, женской одежды, белья по заказам и вышиванием по тканям гладью, шелками и шерстяными; прядением льна и тканием хостов» [1, с. 4].

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что в социокультурной деятельности женских монастырей Симбирской епархии можно выделить четыре основных направления: благотворительное, просветительское, воспитательное и ремесленное. Превалирующее место занимали благотворительное и образовательное направления, так как они носили обязательный характер для монастырей. Отличительной чертой Сретенской обители была ремесленная деятельность: письменность, живопись, музыка, ткачество.

Библиографический список

1. Аполлинарий. Краткий очерк о почившей игумении Марии и об устройении ею Сызранского Сретенского девичьяго монастыря Симбирской епархии с ея портретом и видом монастыря. Пенза, 1878.
2. Баженов Н.И. Статистическое описание соборов, монастырей, церквей Симбирской епархии по данным 1900 г. Симбирск, 1903.
3. Беляев О., протоиерей. Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни: автореф. дис. ... канд. богосл. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, 2008.
4. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1881.
5. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 185.
6. Григорович Н. И. Обзор учреждения в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству. СПб., 1869.
7. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
8. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVIII веке. Куйбышев, 1991.
9. Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
10. Карташев А.В. Русская православная церковь. СПб., 1906.
11. Курышова Л.В. Женские монастыри России: Своеобразие культурных традиций (на примере монастырей Волгоградской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010.
12. Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. СПб., 1857.
13. Мартынов П. Л. Город Симбирск за 250 лет своего существования. Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. Симбирск, 1898.
14. Невоструев К.И. Описание Симбирского Спасского девичьяго монастыря. М., 1852.
15. Смолич И. К. Русское монашество. М., 1997.
16. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области. Ф. 26.

17. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. История русской церкви в 5 ч. М., 1847–1848.

18. Яхонтов А.К. Церкви города Симбирска. Симбирск, 1898.

Ekaterina Mironcheva

**SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES OF NUNNERIES
IN THE LATE XIX – THE EARLY XX CENTURY**

The article is devoted to the history of extracurricular activities in nunneries in the Russian Empire in the late XIX – the early XX century; at the example of the monasteries of Simbirsk Eparchy, the author reveals some general and specific aspects of socio-cultural activities as well as their special features and traditions.

Keywords: socio-cultural activities, Simbirsk Eparchy, Orthodox nunnery.

АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА САМАРО-ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни на Самаро-Златоустовской железной дороге в конце XIX – начале XX в., а также предпринимается попытка определить влияние дороги на социокультурную сферу жизни Самарской губернии.

Ключевые слова: Самаро-Златоустовская железная дорога, повседневная жизнь, Самарская губерния, социокультурная сфера.

амаро-Златоустовская железная дорога (СЗЖД) является одной из важнейших транспортных артерий России, созданных во второй половине XIX века. Ввод в эксплуатацию этой железной дороги обусловил формирование определенного «культурного пространства», что проявилось в особенностях быта как на станциях, так и в вагонах.

Рассмотрим историографию избранной темы. В дореволюционной литературе лишь фрагментарно описана история строительства Самаро-Златоустовской железной дороги и ее эксплуатации. Советская историография 1920-х – 1950-х годов представлена работами, характеризующими общее развитие железных дорог в России, причем основное внимание уделялось истории железнодорожного транспорта после 1917 года.

1960-е – 1980-е годы стали временем появления специальных работ по истории Куйбышевской железной дороги. К таким работам относится книга «Навстречу новому веку» [7], которая была издана к 100-летию Куйбышевской железной дороги. В нее включены сведения о развитии инфраструктуры дороги: электрификации, средств связи и грузового хозяйства.

Новые подходы к изучению истории железных дорог наметились в 90-е гг. XX века. Именно в это время расширилась проблематика исследований. Помимо традиционных вопросов [3; 5; 6], стала изучаться история повседневности российских железных дорог. В качестве примера следует отметить работу В.А. Вульфома «Повседневная жизнь российских железных дорог» [2]. И все же в отечественной историографии все еще мало внимания уделяется истории повседневной жизни на Самаро-Златоустовской железной дороге.

Важная информация о повседневной жизни на железной дороге содержится в архивных материалах. В фондах Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) [11–14] хранится административно-хозяйственная документация Министерства путей сообщения и Управления железной дороги, а также делопроизводственная документация центральных и местных органов власти.

* © Елисеев А.И., 2017

Елисеев Андрей Иванович, студент магистратуры исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, aneliseev@bk.ru.

Большой информативной емкостью обладает опубликованная делопроизводственная документация по эксплуатации Самаро-Златоустовской железной дороги [4; 8; 9]. Данная группа источников описывает особенности повседневного функционирования железных дорог, деятельность железнодорожных служащих и руководства дороги.

Ценные сведения о быте на железнодорожном транспорте были получены нами из различных справочных изданий. Так, в книге «По белу свету. Великий путь» [10] можно найти описание быта на железнодорожных станциях и в вагонах поездов Самаро-Златоустовской железной дороги.

Реконструкцию повседневной жизни невозможно представить без использования литературных памятников [1; 15]. В этих сочинениях ярко описывается повседневность российских железных дорог. Они также дают представление о тех изменениях, которые произошли в жизни обывателей в связи с появлением этого нового вида транспорта. В целом в статье представлены различные группы источников, которые позволяют рассмотреть многие аспекты исследуемой темы.

Строительство железной дороги во второй половине XIX века было сложным процессом, требовавшим использования значительных ресурсов. Большое внимание при строительстве железных дорог Министерство путей сообщения уделяло архитектуре. В инфраструктуре крупных станций главными зданиями были железнодорожные вокзалы. Нередко они представляли собой настоящие архитектурные шедевры. В Самаре вокзал был построен в 1876 году по проекту петербургского архитектора Н.И. де Рошефора [6, с. 64]. Вокзал был местом сосредоточения народной жизни во всех ее проявлениях: бродячие музыканты, духовые оркестры, песни при проходах-расставаниях, патефон в буфете, непременно картины в залах ожидания на крупных станциях... Вокзал был одним из общественных центров жизни, так сказать, – столицей народного бытия [2, с. 334].

Особое место на больших станциях занимал буфет. Как правило, стоянки поездов были длительными, так что пассажиры могли, не торопясь, выпить чаю, позавтракать или пообедать. Цены на порции были не дороже тех, что значились в станционных буфетах других российских железных дорог. Однако для «третьеклассных» пассажиров они были не по карману. Для них возникли особого рода буфеты, которые пассажиры называли «бабьими». «Бабьи буфеты» помещались обыкновенно возле станции, в открытом поле: перед длинным столом располагался целый ряд крестьянок из соседних поселков с разными продуктами. Тут пассажирам предлагались бутылки с молоком, крестьянские печенья, горячие блины, вареная баранина, рыба, картофель и тому подобные товары, продаваемые по весьма низким ценам. Столы были окружены, как правило, густыми толпами «третьеклассных» пассажиров. Они запасались здесь разного рода провизией, а затем, не торопясь, съедали по пути свои продукты [10, с. 39].

Торговля эта наносила огромный ущерб буфетам. Владельцы буфетов пытались бороться с этим видом торговли. Приказ от 9 июня 1901 года предписывал: «Ввиду возникшего недоразумения относительно продажи семьями служащих на дороге и частными лицами разного рода съестных припасов и питий на станциях, где имеются буфеты и буфетные столы, Управление дороги принимает на себя обязательство не предоставлять никому, кроме содержателей буфетов, права продавать пассажирам пассажирских и вообще людских поездов всякого рода съестных припасов и питий в преде-

лах станций». Исключение составляли молоко, грибы и местные полевые и лесные ягоды. Также этот закон не распространялся на передвижение войск, если военное начальство само озаботилось их продовольствием. Во всех остальных случаях никакая торговля и никем не допускалась на станциях, где имелись буфеты и буфетные столы, без согласия на то содержателей буфета [9, с. 211–212]. В связи с этим, частным лицам приходилось торговать не на самой станции, а около нее.

Говоря о повседневности на железной дороге помимо станций, нужно сказать о железнодорожных вагонах. Вагон стал местом знакомства и общения людей. Появление железных дорог формировало новое общественное сознание, новые представления о мире у простых людей, предоставив им возможность дальнего и вместе с тем весьма доступного и быстрого сообщения. Их жизненные рамки расширились невероятно. Наряду с церковью, ярмаркой и кабаком возникли еще два места народного общения и единения – вокзал и вагон. И они удивительно гармонично совпали с русским обиходом [2, с. 248]. В справочнике по Транссибирской магистрали 1904 года описывается быт в вагонах: «... заваривают в своих вагонах чай, потом приглашают к себе в гости знакомых и, когда поезд вновь двигается в путь, то за чайными приготовлениями составляются компании с веселыми беседами» [2, с. 39]. В серых красках описал путешествие в железнодорожных вагонах И.А. Бунин в рассказе «Новая дорога»: «Качаясь на неровном бегу поезда, я хожу из вагона в вагон и везде вижу обычную жизнь русского захолустного поезда. В первом и втором классе пусто, а в третьем – мешки, полушубки, сундуки, на полу сор и подсолнухи, почти все спят, лежа в самых тяжелых и безобразных позах» [1, с. 199].

Особенный быт железнодорожного транспорта был связан и с трудом железнодорожных рабочих. Управление железной дороги пыталось тщательно регламентировать их работу, повысить эффективность эксплуатации дороги, а также поднять качество обслуживания пассажиров. Это обусловило создание огромного количества инструкций, распоряжений и циркуляров, которые Управление дороги рассылало «на места».

Администрация железнодорожной линии стремилась обеспечить определенный уровень сервиса. Начальникам станций предписывалось следить за тем, чтобы при погрузке багажа с ним обращались с возможной осторожностью, без повреждения упаковки или нарушения его тары [4, с. 62]. Если же пассажиры были недовольны уровнем обслуживания, то они могли оставить жалобу. Начальник станции обязан был выдавать по первому требованию публики для записи станционную жалобную книгу. Данная книга не выдавалась лишь железнодорожным служащим и лицам, находящимся в нетрезвом состоянии. С каждой записанной жалобы снимались две копии, из которых одна должна была в тот же день быть представлена начальнику дороги, другая – начальнику движения с подробным объяснением по содержанию жалобы [4, с. 57–58]. При рассмотрении Управлением железной дороги отчетов по жалобам было замечено, что большая часть жалоб пассажиров касалась несвоевременного открытия билетных и багажных касс для продажи билетов и приема багажа, а также отсутствия должного порядка в буфетах, заключающегося в грубости прислуги, неудовлетворительном состоянии продуктов, неопрятном содержании буфетных помещений, превышения цен против прейскурантов [9, с. 67].

Руководство железнодорожной магистрали пыталось ограничить употребление на станциях и в поездах алкоголя и табака. В частности, в «Инструкции начальникам станций, полустанций и разъездов, их замам и помощникам» говорилось: «Во время служебных сношений с публикою служащим воспрещается курение табаку. Таковое не дозволяется всегда также и во всех местах, где вывешены объявления о воспрещении курения» [4, с. 34].

На железной дороге активно боролись с алкогольной зависимостью железнодорожных служащих. Иногда железнодорожные рабочие исполняли свои обязанности в нетрезвом состоянии, что могло повлечь за собой серьезные последствия. В приказе от 20 июня 1897 года сообщается, что встречаются случаи нахождения во главе поезда нетрезвой паровозной прислуги. Для устранения этого в приказе предписывалось проводить освидетельствование паровозных бригад перед отправлением поезда и на каждой станции пути [9, с. 20–21]. В приказе от 17 ноября 1899 года описывается случай падения с поезда осмотрщика вагона, находящегося в состоянии алкогольного опьянения. Позже выяснилось, что осмотрщик ехал как пассажир. Несмотря на это, в приказе предписывалось не допускать нахождения агентов, как вообще на службе, так и в поездах, в нетрезвом виде [9, с. 23]. Следует отметить, что пассажиры, находящиеся в нетрезвом состоянии, также не допускались в вагоны.

С железнодорожными служащими, находящимися в нетрезвом состоянии на рабочем месте, боролись с помощью различных штрафов. 22 августа 1911 года появился приказ управляющего Министерством путей сообщения, разрешавший начальникам и управляющим железных дорог утверждать уставы для возникающих на дороге обществ трезвости среди железнодорожных служащих [13, оп. 1, д. 79, л. 1 об.]. Цель обществ заключалась в противодействии злоупотреблениям спиртными напитками среди служащих железной дороги [13, оп. 1, д. 79, л. 2].

Инициатива создания обществ трезвости исходила от самих служащих. Об этом свидетельствует рапорт начальнику самарских мастерских одного из работников, в котором он пишет: «В частных разговорах со своими сотоварищами по работе, мы пришли к мысли о необходимости образовать между нами общество трезвости. Трезвость между железнодорожными мастерами и служащими имеет громадное значение, как по производительности нашего труда, а также и в отношении точного исполнения своих служебных обязанностей» [13, оп. 1, д. 79, л. 20]. Основным источником финансирования этих обществ были взносы самих членов общества. Управление дороги в этой ситуации брало на себя функцию организации данного общества.

Отдельно стоит сказать об охране железных дорог. С 60-х гг. XIX века были созданы специальные жандармские полицейские управления на железных дорогах. В Самаре такое управление было создано в 1875 году. Имущество железных дорог нередко расхищалось ворами. Их добычей становились шпалы, рельсы и даже крепежные гайки [3, с. 29]. В рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник» рассказывается, что из гаек местные жители делали грузила для рыбалки [15, с. 84]. Кроме этого, хищениям подвергались грузы, перевозимые по железнодорожным путям. Например, на станции Обшаровка было зафиксировано 22 декабря 1904 года хищение из вагона, стоявшего на запасных путях, 7 мешков муки [14, оп. 1, д. 351, л. 1 об.]. А 15 февраля 1905 года на этой же станции была засвидетельствована кража двух пачек стальных ножей и одной кипы ситца из вагона [14, оп. 1, д. 355, л. 2 об.].

Строительство Самаро-Златоустовской железнодорожной линии сопровождалось созданием эксплуатационной инфраструктуры, благодаря которой в губернию проникали и получали распространение многие достижения научно-технического прогресса.

До 1897 года для освещения помещений на железной дороге использовались факелы, лучины, коптилки, керосиновые лампы. Отсутствие электричества создавало определенные трудности для железнодорожных работников. Работники мастерских жаловались, что немало недоразумений между рабочими и монтерами возникало из-за недостатка освещения при работах. Света керосиновых ламп бывало недостаточно для тонких, мелких работ, почему была введена выдача на руки рабочих казенных свечей [13, оп. 1, д. 58, л. 8]. С 1897 г. начинается процесс постепенной замены факелов, керосиновых ламп и свеч на электрическое освещение. В самарском депо по проекту инженера В.С. Ноткина были смонтированы 2 электрические установки [7, с. 117]. В 1911 году была построена электростанция СЗЖД на станции Правая Волга. Она была небольшая, ее мощности хватало лишь для сигнализации на мосту и освещения служебно-технических помещений. К 1913 году крупные электростанции имелись при паровозных и вагоноремонтных мастерских станции Самара [7, с. 118].

Управление Самаро-Златоустовской железной дорогой активно занималось улучшением коммунального хозяйства станций. Кроме электричества, на станциях строились новые системы водоснабжения. В канцелярии самарского губернатора сохранились документы по строительству водопровода на станции Абдулино. Из этих материалов следует, что в 1901 году предполагалось устройство водоснабжения на станции Абдулино из родника Бактак, расположенного в трех верстах от станции. Существующее водоснабжение предполагалось оставить как запасное [11, оп. 48, д. 5, л. 5]. При строительстве водопровода отдельную ветку должны были направить в населенный пункт. Отмечалось, что непосредственно рядом с площадкой под водоподъемное здание дорогою будет устроен колодец, из которого все желающие смогут брать воду [11, оп. 48, д. 5, л. 5 об.].

С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги связано распространение таких средств связи, как телеграф и телефон. Телеграфные сети с аппаратами системы Морзе применялись обычно для связи между станциями. На разных участках телеграфная линия имела от двух до четырех проводов. На линии Батраки – Самара было три телеграфных провода. Первый и третий служили преимущественно для передачи телеграмм служебной, пассажирской и общей корреспонденции и соединяли между собой главные станции дороги. Второй провод был предназначен главным образом для передачи телеграмм о движении поездов и соединял между собой все станции дороги [8, с. 328]. Для местной связи на станциях применялись телефонные аппараты с питанием от батареи («Геркулес» или элементы Мейдингера). На крупных станциях имелся фонопор (ящик 20 фунтов с длинным рупором, укрепленный в стене [7, с. 148], который подключался через конденсатор в одиночный телеграфный провод [5, с. 264]). К 1893 году на станции Самара были устроены телефонные сети, соединяющие Управление дороги с контролем дороги, пассажирским зданием станции Самара, депо, главными мастерскими, товарною конторою, главным складом, конторами и квартирами начальников служб [8, с. 329]. Мы видим, что уже к 1893 году телефонные сети на станции Самара получили широкое распространение.

В декабре 1911 года Совет Управления Самаро-Златоустовской железной дороги в присутствии представителя Ташкентской железной дороги постановил устроить в г. Самаре казенную типографию для надобностей Самаро-Златоустовской и Ташкентской железнодорожных линий. Для этого предполагалось приобрести совершенно новое оборудование для типографии и построить специально приспособленное здание [12, оп. 1, д. 40, л. 1,1 об.].

Таким образом, Самаро-Златоустовская железная дорога являлась особенным социокультурным явлением в жизни Самарской губернии. Железнодорожная магистраль с ее дальними перевозками и развитой инфраструктурой меняла сознание людей. Железнодорожные станции и вагоны становились новыми местами народного общения.

Управление железной дороги старалось регламентировать поведение как пассажиров, так и железнодорожных служащих. Это проявлялось во многих сферах, в том числе в запрете табакокурения и употребления алкоголя на железной дороге.

Создание железнодорожной инфраструктуры способствовало проникновению и распространению в Самарской губернии многих достижений научно-технического прогресса: электростанций, телеграфа и телефона.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Новая дорога // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М. 1987.
2. Вульф А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007.
3. Дектярев С.В., Толкачев В.Л. Мост, соединивший эпохи. Самара, 2011.
4. Инструкция начальникам станций, полустанций и разъездов, их замкам и помощникам. Самара, 1900.
5. История железнодорожного транспорта России. 1836–1917 / под ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. Т. 1. СПб., 1994.
6. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века / под ред. П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой. М., 2000.
7. Навстречу новому веку / под ред. Д.С. Сугака. Куйбышев, 1974.
8. Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1896 год: отчет Управления Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургской ветвью. Ч. VIII. Самара, 1897.
9. Сборник распоряжений по технической и административным частям службы движения. Линия Самаро-Златоустовская с Оренбургской ветвью. Самара, 1902.
10. Фрейберг П. Р. По белу свету. Великий путь. Вып. 2. М., 1904.
11. ЦГАСО. Ф. 3. Канцелярия самарского губернатора.
12. ЦГАСО. Ф. 148. Контроль Самаро-Златоустовской железной дороги.
13. ЦГАСО. Ф. 156. Управление Самаро-Златоустовской железной дороги.
14. ЦГАСО. Ф. 349. Земские начальники Самарского уезда Самарской губернии; земский начальник 10-го участка, с. Студенец.
15. Чехов А. П. Злоумышленник // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 4. М., 1976.

Andrey Yeliseyev

SOME ASPECTS OF THE DAILY LIFE OF THE SAMARA-ZLATOUST RAILWAY

The author examines some aspects of the daily life of the Samara-Zlatoust Railway in the late 19th – the early 20th centuries, and makes an attempt to determine the influence of railway on the socio-cultural life of Samara province.

Keywords: Samara-Zlatoust Railway, daily life, Samara province, socio-cultural life.

ОБРАЗ УЛИЦЫ ДВОРЯНСКОЙ В ВОСПРИЯТИИ ЛЮДЕЙ, ЖИВШИХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья написана на основе архивных и опубликованных документальных источников и материалов периодической печати. В центре внимания – реконструкция образа главной улицы Самары в восприятии людей, живших на рубеже XIX–XX вв. Отмечается, что как лицо города главная улица являлась своего рода выставочной площадкой, благоустройством которой занималась городская администрация, стремясь придать ей позитивный образ. Однако анализ свидетельств представителей разных слоев городского сообщества на страницах «Самарской газеты» позволяет увидеть обратную сторону медали – повседневную жизнь делового центра города с его мещанскими нравами, проблемами благоустройства и местными хулиганами.

Ключевые слова: Самара, Дворянская улица, деловой центр, П.В. Алабин, К.П. Головкин, городская управа.

Каждый губернский город Российской империи в XIX – начале XX вв. имел главную улицу, которая являлась одновременно административным, деловым и культурно-развлекательным центром города. В губернской Самаре эту почетную роль играла улица Куйбышева, или, применительно к рубежу XIX–XX вв., – улица Дворянская. Она качественно отличалась от ряда других улиц губернского центра, которые в совокупности с Дворянской составляли центральный деловой район Самары [5]: Казанской, Преображенской, Саратовской, Панской, – тем, что являлась осью городской жизни, своеобразным «Невским проспектом», где сконцентрировались главные торговые, финансовые и культурно-развлекательные заведения губернского города.

Неслучайно Дворянская улица привлекала к себе внимание разношерстной самарской публики и гостей города. Среди именитых горожан большое внимание главной улице уделили К.П. Головкин в своей краеведческой картотеке [6] и П.В. Алабин в знаменитых историко-статистических очерках [1; 2]. Еще один ракурс восприятия Дворянской современниками отражен в архивных источниках: речь идет о делах городской Управы по благоустройству Дворянской [16]. «Самарская газета» стала важнейшим источником для реконструкции образа самарского «Невского проспекта» в восприятии местной интеллигенции и рядовых горожан [9–15]. Взгляд на центр Самары «со стороны» представлен в различных путеводителях по Волге [3; 4; 7; 8]. Нас поразило, как сильно порой разнится образ Дворянской

* © Чепурнова Е.И., 2017

Чепурнова Елена Игоревна, аспирант кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, lenhincep@gmail.com.

в названных источниках. Чтобы лучше понять, чем дышала и как жила «героиня» нашего исследования, мы посчитали необходимым провести анализ этих образов, их сравнение, проследить ход их изменений.

Петр Владимирович Алабин – известный общественный и политический деятель – внес большой вклад в благоустройство Самары. Известна его роль в становлении и в развитии самарского краеведения. Вышедшие из-под его пера историко-статистические очерки «Двадцатипятилетние Самары, как губернского города» [1] и «Трехвековая годовщина города Самары» [2] дают исследователям массу интересного материала. Не обошел Алабин вниманием и Дворянскую улицу. В «Двадцатипятилетии Самары, как губернского города» (1877 г.) Дворянская названа одной из главных улиц города, наряду с Преображенской и Казанской. Автор указал на перспективность развития Дворянской улицы, отмечая, что на ней сосредоточена торговля лучших лавок и магазинов города. Говорит П.В. Алабин и о стремлении владельцев этих магазинов пощеголять друг перед другом «зеркальными окнами и красивыми в них выставками товаров» [1, с. 637]. Дворянская в представлении Алабина изящно застроена в архитектурном плане, имеет лучшие в городе тротуары, в связи с чем только она смогла завоевать расположение самарской публики и стать любимым местом для прогулок самарского общества, как Невский проспект в столице. Таким образом, Дворянская, по мнению Алабина, предстает перед горожанами как художественно оформленная и максимально облагороженная улица, неотъемлемой частью культуры которой является стремление к парадным показам и рекламным выставкам.

Образ Дворянской можно составить и на основании очерков другого известного самарца – Константина Павловича Головкина, и, хотя в наследии Головкина мы не нашли статьи или даже небольшого отрывка, посвященного непосредственно современной ему Дворянской улице, ее образ автор создал путем зарисовок самарской действительности и жизни ее обывателей. Головкин подробно рассказывает о казенных учреждениях на Дворянской улице: Окружном суде, городской Управе, Николаевском сиротском приюте для девочек. Описывая быт самарцев, Константин Павлович с завидным постоянством обращается к Дворянской как к сосредоточению главных самарских развлечений: он упоминает велодром и каток на Дворянской [6, с. 317–318], цирки и балаганы, установившие свои шатры на главной улице [6, с. 317], художественные выставки в здании городского музея на Дворянской [6, с. 311–312], и, конечно же, масленичные катания на Дворянской [6, с. 298–300]. Таким образом, автор создает положительный образ всегда оживленного административного и культурного центра города.

Когда мы обращаемся к делам городской Управы по городским хозяйственным вопросам, Дворянская предстает перед нами передовой во всех отношениях улицей и некой городской экспериментальной площадкой, где внедряются все хозяйственные нововведения. При замощении асфальтом – способ мощения Дворянской должен стать образцом для других частей города [16, оп. 37, д. 10, л. 14]; электрические лампы нужно апробировать на Дворянской и, если это будет признано выгодным, установить такие же лампы и на других улицах [16, оп. 37, д. 1, л. 130] и т. д. Конечно, для воссоздания полноценного образа улицы нельзя ограничиться лишь делами хозяйственного содержания, однако даже рассмотрение такого узкого вопроса помогает понять, что для городских властей Дворянская улица яв-

лялась своеобразной выставочной площадкой хозяйственных достижений города. Соответственно, Управа старалась создать образ Дворянской как современной благоустроенной улицы.

Надо сказать, что городским властям удавалось создать и поддерживать такой образ. Объективно являясь лучшей улицей города, Дворянская притягивала к себе внимание путешественников, чему в большой степени способствовали путеводители по Волге, каждый из которых, описывая Самару, обязательно упоминал о величественном памятнике Александру II, теннисных аллеях Струковского сада и перечислял примечательные заведения на самой лучшей улице города. Достоинством, что в одном из путеводителей отрезок Дворянской от Алексеевской площади до Струковского сада назван «самой шикарной частью города» [3, с. 258]. И даже авторы географического описания России, когда речь заходит о Самаре, не оставляют без внимания главную улицу города и отмечают все важные учреждения, которые на ней расположены [8, с. 424]. К сожалению, впечатлений самих гостей города о Дворянской улице нам не удалось найти. Но можно предположить, что большинство из них согласилось бы с тем образом, который создавали авторы путеводителя и всячески старалась поддерживать городская Управа.

А как же видели Дворянскую улицу самарские обыватели? Какой была ее жизни «изнутри», когда сбрасывалась парадная оболочка? И здесь своеобразным информативным «окном» самарцев становится «Самарская газета», корреспонденты которой являлись частью самарского общества и считали своим долгом писать о городских проблемах, обличать пороки городского сообщества, обращая тем самым на них внимание городской власти. Все корреспонденты Самарской газеты признавали Дворянскую самым достойным местом в городе, называя ее «лучшая улица», «наш Невский проспект», «самарский Бродвей» и пр. Но в восприятии обывателя главная улица многолика, и образ ее составляется не только из благообразного фасада, но и из нравов и поведения жителей города, различных происшествий и будничных практик населения.

Изучив номера Самарской газеты за 1886–1890 гг., мы обнаружили, что каждый день после обеда по «главному нерву общественной жизни города» [13] проходила своеобразная «выставка невест и женихов, шуб и шляп, экипажей, лошадей и фальшивого богатства» [10]. В жару и в сильные морозы самарчанки дефилировали по главной улице города в поисках женихов, выставляя напоказ свои лучшие наряды. Можно сказать, что корреспонденты видели в главной улице все тот же выставочный комплекс, что и власти города. Однако главными «героями» в повседневной жизни становились люди, которые выходили покрасоваться и показать себя на главную артерию города, становясь ее неотъемлемым элементом. Те же корреспонденты с сожалением признавали, что искусство производить впечатление на самарскую публику поддельной красотой и богатством доведено здесь до виртуозности [9]. О нравах и поведении самарцев на главной улице красноречиво говорят и заметки о «задавленной любви на Дворянской улице» [12], незаконном распитии спиртного в кухмистерской на Дворянской [14], регулярные упоминания о «милых, но погибших созданиях», работающих в центре города, и о фривольном поведении солидных мужчин [9]. Нередко на страницах «Самарской газеты» можно найти истории о разбойничестве самарских «горчишников» прямо на главной улице. Так складывался дру-

гой образ центральной улицы с ее напускным богатством, нелепой красотой, опасностями в виде хулиганов и развратными нравами. Пожалуй, наиболее ярко и образно в этом контексте Дворянскую смог описать самарский поэт под псевдонимом «Обыватель»:

Вот наш Невский проспект. По вечерним часам,
Одержимый обычным недугом,
Я бывало не раз по нем хаживал сам,
И признаюсь с каким-то испугом,
Здесь смотрел на «нарядных», «убогих»,
Нравом бойких, разгульных, не строгих... [13]

Однако, такой нелицеприятный образ Дворянской на страницах «Самарской газеты» со временем сглаживался. Саркастические фельетоны и заметки о неподобающих нравах на главной улице публиковались по большей части в 1880-х гг. В 1890-х гг. они встречаются все реже. Меняется и тон статей: они становятся все менее острыми. Да и поводов для критики стало значительно меньше: с введением винной монополии в 1895 году все питейные заведения с Дворянской исчезают. В 1890-е годы переносятся на окраины и дома терпимости. Таким образом, проститутки исчезают из центра города. К 1900-м годам заметки о Дворянской улице сводятся к известиям о важных событиях, связанных с ней, призывам к властям и домовладельцам решить очередную хозяйственную проблему, например, ликвидировать ямы на дороге [15], и периодическим историям о проделках «горчишников».

Как лицо города, главная улица должна была быть своеобразной выставочной площадкой, которую всячески благоустраивают, облагораживают, создают ей самый позитивный образ – такой, чтобы не стыдно было показать и августейшим особам. Поэтому в официальных документах, историко-статистических очерках, путеводителях главная улица всегда является идеалом городского благоустройства и показателем высокой культуры города – с чем, безусловно, трудно спорить. Однако важно понимать, что, выставляя напоказ только «лучшее», данные источники не говорят о тех явлениях, которые могли бы неблагоприятно отразиться на имидже Дворянской улицы. Они, на наш взгляд, намеренно отсекают важную информацию, которая публиковалась в городских газетах. Корреспонденты этих изданий описывали различные повседневные практики городского общества в обличительной и часто саркастической манере. Тем не менее, свидетельства городских обывателей, представленные на страницах «Самарской газеты» позволяют нам увидеть обратную сторону медали – повседневную жизнь делового центра города, обратившись к которой, можно совсем по-иному взглянуть на главную улицу губернской Самары.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. (Историко-статистический очерк). Самара, 1877.
2. Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887.
3. Безчинский А. Путеводитель по Волге. М., 1903.

4. Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 (от Твери до Астрахани). Нижний-Новгород, 1898.
5. Иванова Н.В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Саратова. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
6. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека): сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов / Под ред. Кабытова П.С., Дубмана Э.Л. Самара, 2007.
7. Путеводитель по р. Волге 1909 г. пароходного общества «По Волге 1843 г.». СПб., 1909.
8. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 6. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. / Ред. В.П. Семенов. СПб. 1901.
9. Самарская газета. 1886. 2 марта.
10. Самарская газета. 1886. 2 февраля.
11. Самарская газета. 1886. 3 января.
12. Самарская газета. 1886. 9 января.
13. Самарская газета. 1889. 27 января.
14. Самарская газета. 1889. 6 апреля.
15. Самарская газета. 1902. 1 июня.
16. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 153.

Elena Chepurnova

THE IMAGE OF DVORYANSKAYA STREET IN THE PERCEPTION OF PEOPLE WHO LIVED AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

The article is based on the archival and published documentary sources, and the materials of periodical press. The goal of the author was to reconstruct the image of Samara's main street in the perception of people who lived in the late 19th – the early 20th century. The researcher claims that the main street of Samara was the face of the city and a kind of exhibition space; the city authorities developed the street space and anyway created the most positive image for it. However, the opinion of the common people which was presented on the pages of local periodical press provides us with the possibility to see the flip side of the coin, i.e., the daily life of the business center of the city, with its petty-bourgeois behavior, problems of urban improvement, and local hooliganism.

Keywords: Samara, Dvoryanskaya Street, business center, Pyotr Alabin, Konstantin Golovkin, city administrative board.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайте <http://www.naukapro.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и **3-6 ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т. е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>.

5. При использовании интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с. 21; 2, с. 33].

7. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [9, оп. 4, д. 257, л. 86 об.].

8. После текста статьи и библиографического списка приводятся **на английском языке** имя и фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова.

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – до 15 тыс. знаков;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сноска, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

- в список помещаются только работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;
- список составляется в алфавитном порядке.

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

Образец оформления статьи

УДК...

ФИО***НАЗВАНИЕ СТАТЬИ**

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с...].... [3; 5].... [2, с...; 5, с...] ...

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119–132.
3. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35.
4. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
5. Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // История. 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 150.
9. ЦГАСО. Ф. 153.

Имя, фамилия (латинск. шрифт)**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (НА АНГЛ. ЯЗ.)**

Аннотация (на англ. яз.):

Ключевые слова (на англ. яз.):

